

Лев Немейский
МУТНАЯ РЫБКА В ТЯЖЁЛОЙ ВОДЕ

Я вас....
А.С. Пушкин

Глава 1

Поначалу, командировка в Паханесбург не предвещала для молодого профессора Д ничего примечательного. Ему нередко приходилось посещать провинциальные университеты, выполняя разнообразные, как правило, довольно бесполезные и бессмысленные поручения. Но смена обстановки и новые впечатления служили неплохим отвлечением от работы.

В этот раз Д предстояло встретиться с ректором главного городского университета с совершенно непроизносимым названием, передать ему какие-то бумаги, подписать некие ритуальные договоры и выступить оппонентом на защите докторской диссертации. Словом, обычный набор бюрократических процедур. Плохо представляя себе, где находится этот самый Паханесбург, Д, не теряя уверенности, что извозчик знает, куда ехать, купил на вокзале билет и сел в поезд.

Соседями по купе оказались молодящаяся тётка и старичок-пенсионер. У тётки рот не закрывался вообще. Отмечая её постбальзаковский возраст, Д задался вопросом, а были ли Бальзак когда-нибудь ребёнком? Из бесконечного потока пустой поносной болтовни Д вынес только светлый образ тёткиного, умершего ещё в детстве отца, и растворившегося в просторах нашей родины негодяя-мужа. Старичок же, напротив благообразно безмолвствовал, погружившись в себя и чтение пухлого романа. На потрепанной обложке Д разобрал имя автора – Парамон Бык, и названия двух его сочинений: «Конь» и «По великой нужде».

– А что он ещё написал? – Спросил он, кивая на книгу.

– «Шитые лыком», «Хлебные места», «Семья Паслёновых», «Горные ослы» ... или «козлы», не помню... – Отозвался старичок.

– К семейству паслёновых, кажется, относятся помидоры. – Припомнил Д.

– Да, нет... Это всё про народ. Такое, масштабное...

Как обычно, время в поезде сначала тянулось медленно и мучительно-тягуче. Но потом, что-то внутри перестроилось, и часы побежали почти незаметно. Вот только голова разболелась от тёткиной болтовни.

За окном было уже темно, когда поезд заехал в пугающе огромный ангар, в котором впопыхах было держать баллистические ракеты, или по меньше мере, пару авианосцев. Судя по усталому пыхтению поезда, он застрял здесь всерьёз и надолго. Через полчаса пассажиры почувствовали, что вагон, увлекаемый таинственной силой, медленно поднимается в воздух.

– Прямоком в рай? – Спросил Д сразу обоих своих соседей, а на самом деле, самого себя.

Старичок прильнул к окну, временно расплющив любознательный нос о пыльное стекло.

– Колёса меняют. – Сообщил он, с видом знатока, и ноткой фатализма в голосе.

Действительно где-то внизу засуетились мураши-рабочие и застучали, заколотили, забрякали под вагоном своими железками.

– Зачем меняют-то? – Спросил Д.

– Ну вот, во всей Европе расстояние между колёсами поезда пошло от римских повозок, – не упустил случая блеснуть эрудицией старичок, – а на этой территории римлян не было, зато были татары и прочие монголы. У них расстояние между колёсами было другое.

– А в Питере римляне были? – Пряча сарказм, задал очередной вопрос Д.

Старичок потёр подбородок, явно впадая тяжёлую задумчивость.

– Э-э.. ну... Не было, конечно... но, традиция...

– Ладно, – махнул рукой Д, не желая добивать старика. Ведь тот, хотя бы не пытался умничать и выпендриваться, – пусть меняют, если так хочется.

Тем временем, в балансирующем и слегка раскачивающимся метрах в десяти от земли вагоне, стали слышны громкие голоса. Суетливо затопали по коридору, суя беспардонные рожи в купе, вагонные корабейники. В течение десяти минут у пассажиров появилась возможность приобрести гламурный, сияющий ярче ёлочных игрушек, чайный сервиз, последние гороскопы от монгольского ламы Сухэ Пургэна, фальшивую красную икру, палёную водку «Абсолют» с портретом Гегеля, липкие тошнотворные леденцы, дешёвое, всего лишь по удвоенной цене мороженное, вяленую рыбу, состоящую, главным образом, из злобной зубастой пасти, полупротухших раков-калек с оторванными клешнями и ещё, чёрт знает что.

– Интересно, как они входят в подвешенный вагон? – Спросил себя Д, слыша, как при очередном крене вагона назад, что-то подозрительно мягкое грохнулось на пол в соседнем купе.

Его размышления прервало появление чиновника в форме железнодорожной службы и на роликах. Взяв под козырёк, он проверил у пассажиров паспорта и легко и изящно покатился дальше по кренящемуся челноком взад-вперёд вагону. Наконец, вагон опустили, и после долгой душной маяты, поезд тронулся. Отпившись со скуки сурового с запахом свежих опилок купейного чаю, Д приложился к припасённым в сумке бутербродам. К казенному чаю прилагались два кусочка сахара и таблетка, которую проводница выуживала из пузырька маленьким пинцетом. Таблетка была снотворно-мочегонной и имела странное название «метастепан». Когда проводница вышла, Д с отвращением выкинул таблетку в кучу объедков, царившую посреди сиротского купейного столика. Тотчас его мобильник пискнул новым сообщением: «Настоятельно рекомендуем принять государственную таблетку. В противном случае, Ваши личные данные будут внесены в списки нарушителей железнодорожных правил».

– Да, пошли они! Вот ещё!... – подумал Д, с тоской глядя, как тётка заглатывает таблетку.

Между тремя и четырьмя часами ночи в купе медведем вломился почтовый служащий.

– Распишитесь! – Скомандовал он, протягивая очумелому от внезапного пробуждения Д запечатанный сверток.

Получив подпись, почтовик, с шумом и лязгом захлопнув дверь, исчез.

Включив маленькую ночную лампу, Д распечатал конверт. Первым, что бросилось в глаза, был яркий поздравительный адрес. Вверху страницы красовался помпезный картуш, который справа поддерживал трогательного вида ёжик, а слева – столь же милый ушастый зайчишка. Сверху на картуше сидела глазастая белочка с пышным хвостом и орешком в лапках. Внутри картуша была каллиграфическим почерком начертана интригующая надпись: Институт детального исследования общих теорий (ИДИОТ) при

Объединённом Паханесбургском Университете приглашает Вас принять участие в наших торжественно-развлекательных мероприятиях 11-15 (16-18) сентября сего года.

И-а – и-а проректора по развлекательно-воспитательной работе У.Ф. Кладбищастьев.

Зам. ректора по внутренним военным вопросам Б.У. Болотич.

Ниже красовалась весёлая картинка с изображением двух обнимающихся и целующихся лесбиянок, одна из которых игриво подмигивала в сторону.

С расписанием мероприятий Д решил ознакомиться позже. Кроме приглашения, в конверте содержалась коробочка окаменевшего, как брусчатка, рахат-лукума с фотографией нефтерперерабатывающего завода г. Безрыбинска и глубокомысленной сентенцией: «С миру по нитке – хоть шерсти клок!». Далее следовала памятка, объясняющая, что и как следует делать в случае газовой атаки, и здесь же – список достопримечательностей Паханесбургской области, среди которых значились: Собор Спаса Неурядицы, скит Фомы на Карачках, а также, предполагалось посещение Бандитогорской пиджачно-пошивочной фабрики им. М. Удавского, экспериментального теплично-огурцового хозяйства им. Горького и многое другое. Кроме того, в конверте лежало нечто, напоминающее брошюрку, но при ближайшем рассмотрении, оказавшееся многократно сложенной туалетной бумагой. Между её листками были вложены талоны на посещение университетского буфета и ресторана «Липка». Завершалась посылка последним, правда, за позапрошлый год, номером пухлого университетского альманаха «Умник». Вздохнув, Д сунул презент в портфель и мучительно попытался заснуть.

К десяти часам утра поезд прибыл в Паханесбург. Выйдя из муторного вагона, Д огляделся. Встречающие среди вокзальной суеты не просматривались. Заинтересовавшись украшавшей вокзальную площадь конной статуей Чехова, Д медленно побрёл вдоль поезда и не заметил, как к нему колом подкатился немолодой благообразный человечек с круглым оптимистичным лицом и седой профессорской бородкой клинышком.

– А вот и я! Так сказать, представитель комитета по встрече.

– Очень рад.

– Бнуква Харитон Фортунатович! – протянул мягкую короткопалую ручонку встречающий, – давайте к машине!

Бнуква был профессиональным нахлебником. Свой солидный пахучий билет, подтверждающий его права, он носил с гордостью, ибо был истинным мастером по безделью. Он не только безжалостно убивал время сам, но и покушался на чужое, беззастенчиво и невинно объедая, как общественные организации, так и частных лиц. Козыря нахлебническим билетом, он неизменно присутствовал на званых и незваных обедах, ужинах и банкетах. К тому же Бнуква был патологическим прожорлив и уже один вид его маленькой кругленькой фигуры у хозяев и устроителей вызвал смертную тоску. А тот шалил, валял дурака, бил баклуши, молот чепуху, плевал в потолок. От безделья бегая по городу и суя нос во все дырки, Бнуква не только разносил самые свежие анекдоты, но и был непревзойдённым мастером художественной сплетни. Их он пересказывал, как правило, с огромным количеством авторских подробностей, с апломбом и вкусом, и обязательно в лицах. Тем самым он неизменно вносил интерес и особое оживление в любое застолье. Но самыми заинтересованными и благодарными слушателями были сотрудники газеты «Задняя мысль». Частенько сиживая в кабинете главного редактора Тёткина-Закулисова, попивая редакторский коньячок и заедая его шоколадными конфетами, Бнуква часами наговаривал на магнитофон свои волнующие импровизации на темы неофициальных городских новостей. Весь этот бесценный материал после незначительной обработки шёл прямо в газету под рубрикой «Косой взгляд», «На чистую

воду», «Экспресс скандал», «Весёлые интриги» и др. Правда после громких судебных подзатыльников за особо беспардонную ложь, газетчикам приходилось печатать опровержения и извинения. Обычно они набирались самым мелким шрифтом и в самом незаметном уголке газеты, так что их обычно никто и не замечал. Зато эффект от скандальных разоблачений длился долго.

Д предпочёл сесть на переднее сиденье рядом с водителем, который уверенно крутя баранку довольно приличного «Опеля», выруливал с вокзальной стоянки.

– Сразу в универ, в гостиницу, или немножко по городу проедемся?

– Давайте немножко проедемся.

– Ну, тогда слушайте! Вот там впереди у нас площадь Резолюции, – объявил водитель, – вон видите, здание Главштампа.

За окном проплыло огромное угловатое здание в форме канцелярского штемпеля с шаром-ручкой наверху. Казалось, что какая-то циклопическая сила с размаху так треснула-хрястнула Главшампом об асфальт, что его нижние этажи ушли под землю.

– А напротив – здание Отсутственных мест, – бодренько продолжал Бнуква, – начало девятнадцатого века, между прочим, памятник архитектуры.

– А, почему Отсутственных?

– А там никогда никого не найдёшь. Ходи-не ходи по коридорам... Так, вроде, кто-то копошится по кабинетам, а как что нужно – так никого и не найдёшь.

Рассматривая по дороге панораму города, Д отметил обилие на его улицах разнообразных памятником, статуй и монументов. Вот проплыла пред глазами, вознесённая вы помпезный постамент огромная бронзовая вилка с нанизанным на неё бронзовым же солёным грибом.

– Это скульптор Мачетич делал, – прокомментировал Бнуква, – высечено в бронзе!

– И, не иначе как розгами. – Тихонько пошутил Д.

– Угу... – на всякий случай, поддакнул водитель, не поняв шутки, – а вот это, – кивнул он за окно, – скульптурная композиция «Узбек, объезжающий мула. Стороной», автор – Плодт.

– Вижу... А это что за дон Сезанн де Базар?

– О, это Джордано Бруно! – с гордостью пояснил Бнуква, подруливая к большому диску газовой горелки, посреди которой в позе духовных метаний застыла фигура несчастной жертвы мракобесия с толстой книгой и черепом в трепетных руках. Вокруг фигуры горел слабый голубой огонёк.

– На праздники, как газу поддадут – во, как горит! – Бнуква с восторгом показал большой палец, – это у нас целая серия памятников. «Пламенные революционеры» – называется. На Феодальной улице ещё Жанна д' Арк, и там же Ян Гус неподалёку. Только он плохо горит. Может, с трубами что-то... Поедем посмотреть?

– Нет, пожалуй, не надо. А рядом кто? Бернажу?

– Нет, это отец английского Просвещения сэр Мэтью Хопкинс.

– А, вы в универе трудитесь? – Спросил Д, меняя тему.

– Заканчивал когда-то... Ну, и по старой памяти, всякие там поручения: положь, подай, принеси, закинь. Времени-то свободного много.

Чувствуя немой вопрос собеседника, Бнуква продолжил после паузы.

– Одни работают в сфере производства, а другие – в сфере потребления. Вот, я например, – профессиональный нахлебник.

– Это как? – Изумился Д.

Бнуква, молча, и не без гордости, протянул малиновую корочку, на которой золотом была выведена надпись: «Удостоверение нахлебника».

– Думая, что его разыгрывают, Д открыл корочку и с удивлением убедился, что документ вполне настоящий. «Выдано Бнукве Х.Ф. в то, что он является официальным нахлебником (паразитом, дармоедом, захребетником) с правом бесплатного посещения любых государственных и частных застольных и приравненных к ним мероприятий». Фотография, подписи, печати...

– Неплохо, а? ... Главное, жалование платят исправно. – С довольным видом Бнуква убрал корочку в карман.

Бнуква поддал газу, и «Опель» погнал быстрее. Перед глазами замелькали незнакомые улицы с их причудливыми памятниками, особенно конными. Вот троица каких-то выдающихся деятелей пристроилась на удлиненной, как такса, лошади, а некто четвертый вел её под уздцы. Вот, на седле очередного скакуна горделиво обзирает окрестности чей-то скульптурный бюст. Впрочем, не всё коням резвиться. Были и другие монументы. Вот какие-то два молодца в римских тогах и посконных портах. Один лихо и от души замахивается кулаком на другого.

За окном, тем временем, промелькнул мудрец, напоминающий Циолковского. Приложив к губам слуховую трубу, похожую на рог Робин Гуда, он, как Мюнхгаузен ядро, оседлал взмывающий ввысь спутник. А вот, огромная бронзовая рука, сложенная в обращенный к небу кукиш...

– Это модернизм! – не сбавляя скорости, бросил Бнуква, – вроде, как посвящение всем атеистам. Сам Ркацителли ваял. Дзураб Прорабович.

– Да-да...

– Через два квартала от «кукиша» – ресторан «Полишинель». Неплохое местечко. Печёный гусь в конских яблоках с глазированной водочкой! У-ух!...

– В конских яблоках?

– Ну, это блюдо так называется. Шутники там на кухне.

– А что там ещё интересного? – Спросил Д, чувствуя, что неплохо бы что-нибудь съесть.

– Ну... запеканка «Тревожная», шашлык вегетарианский, торт рыбный просто замечательный, называется «Резюме», бульон «пацифист», воды Лагидзе, вина Сухариадзе, сыры Суициди. А ещё только у них сыр «Гадамер»!

– Занятно!

– А ещё, биточки «Боксёрские», квас «Патриотический»...

– Да, выбор богатый...

– Ну, вот... Выезжаем на улицу «Бесчестенка», оттуда на Вертухайское шоссе и напрямик в универ! Гостиница там же.

Д вздохнул и откинулся на сиденье.

Глава 2

Бнуква бодренько крутил баранку автомобиля.

Огромный рекламный щит, оповещающий всех и вся об открытии выставки унитазов, был виден издалека. Подрулив поближе, Бнуква громко прочёл «Поддых и дети. Унитазы на все случаи жизни и на любой вкус. Только у нас. Сегодня и ежедневно! Все модели продаются!»

– Пошли скорее – заторопился Бнуква, – презентация то уж идёт вовсю!

Бнуква и Д. вбежали в огромный, ярко освещенный зал. Посетители, разбившись на небольшие группы, уводимые экскурсоводами, разбрелись из центра зала по сторонам, где в отдельных декоративно оформленных ячейках располагались диковинные экспонаты.

Присоединившись к одной из групп, наши герои оказались возле странной, но изящной конструкции. Она представляла собой устремлённый ввысь гранёный столб из благородного камня, покрытый затейливой стрелчатой резьбой. Вокруг него спиралью вилась винтовая лесенка, ведущая на вершину.

– Перед вами унитаз в готическом стиле. – объяснил молодежавший экскурсовод. – Поднимаясь по этой таинственной винтовой лестнице, вы осознаёте всю тяжесть посылаемых богом испытаний, всю мировую скорбь и тщету суетных физических желаний. И, садясь, наконец, наверх, вы чувствуете себя как химера на крыше Собора Парижской Богоматери! Какой обзор! Какой духовный рост в своих собственных глазах! Какое светлое чувство долгожданного облегчения и какое долгое ожидание звука!

Особый интерес у посетителей, особенно у директоров фирм и предприятий, вызвал унитаз производственный. Как только человек, зайдя в кабину, садился на сиденье, тут же включался громко тикающий таймер. Ровно через три минуты, если сиденье не освобождалось и таймер таким образом не выключался, происходило автоматическое катапультирование клиента из кабины, как из падающего самолёта. Возле этого унитаза экскурсовод долго витийствовал о необходимости строгого и эффективного контроля за дисциплиной труда и необходимости беречь рабочее время. Вообще, на выставке было много любопытного: «Дары моря» с рокайльной крышкой и светомузыкой внутри, малахитовый унитаз «Данила-мастер», унитаз электрический с рубильником вместо спуска воды, унитаз с дистанционным управлением, который мог летать по воздуху, унитаз складной-раскладной для туристов, а также унитаз в стиле соцреализма, то есть интернациональный по форме и социалистический по содержанию. К унитазу «Сюрприз», представлявшему собой совершенно непонятную и устрашающую конструкцию, никто так и не рискнул даже подойти, хотя экскурсовод настойчиво предлагал посетителям не только осмотреть, но и бесплатно опробовать любую модель.

То, что в гостинице «Имптичмент» никто и слыхом не слыхал о его прибытии, Д ничуть не удивило. Если бы все нужные бумажки нашлись сразу, это означало бы что-то неладное. Пока Бнуква вёл вязкие переговоры у стойки администратора, Д, бесцельно сидел поодаль на облезлом стуле и разглядывал величественный мраморный бюст, который в равной степени мог принадлежать Ушинскому, Добролюбову и Линкольну. Д отдал бы предпочтение последнему.

– Всё в порядке! – радостно объявил нахлебник, взмахнув над голой какой-то бумажкой, – ваш номер.... Вот! – он протянул увесистую болванку с маленьким ключиком на цепи. На такую цепь можно было посадить порядочного питбуля, но годилась она и для ключа. Сама же болванка несколько веков назад вполне могла бы послужить холодным оружием.

– Это чтобы не спёрли! – пояснил Бнуква, поймав внимательный взгляд Д, – студенты ведь народ ушлый.

Попав, наконец, в номер, Д, прилёг на кушетку, чтобы немного перевести дух. Краем глаза он заметил на столе какую-то бумагу. Любопытство взяло верх.

«В связи с вновь открывшимися внутренними обстоятельствами, Вам надлежит безотлагательно подтвердить коэффициент статусного индекса по системе БАЦ. Для этого Вам необходимо свести в общий реестр использованные Вами цитаты за вычетом цитат из Ваших собственных сочинений и отослать их по адресу...» далее шёл невозможно длинный почтовый адрес и не менее длинный и путаный – электронный.

И подпись: зам. рек. по вообще Б.Л. Узурпаев.

– Считайте, что уже послал! – Д швырнул бумагею на стол. Индекс какой-то...

Упав на кушетку, он заснул, но вскоре проснулся от телефонного звонка.

– Доводим до вашего сведения, что Ваше балансовое лицо утратилось на 13%, для прояснения динамики проверок, свяжитесь с отделом расхищения или посетите недельную разъездную комиссию в этот вторник с 6 до 7 ч. утра.

Д бросил трубку.

Раздался тихий стук в дверь. На пороге стоял плюгавый человечек в роговых очках.

– Э-э-э..., прошу покорно извинить, скороговоркой заговорил он, натужно улыбаясь, – я – представитель индекса Шпирца. Ну, вы в курсе.... Позвольте задать вам несколько вопросов?

– М-м-м... Ну, давайте, – Д посторонился, пропуская визитёра в комнату.

– Первый вопрос... – начал тот, мучительно морща лицо, будто страдая запором, – первый вопрос такой: вы валентны?

– Почему бы не поиграть, – подумал Д, уже поняв, что его делают актёром театра абсурда, – видите ли, – произнес он с максимальной серьёзностью, – я – лицо не столько химическое, сколько физическое. Хотя, местами, и вполне юридическое.

– Эта роль не играет никакого значения. Не могли бы вы назвать вашу валентность за последний год?

– Что-то около единицы.

Визитёр удовлетворённо кивнул.

– Кстати, моя фамилия – Скукуроков. – Представился он.

– Вы уверены, что это кстати?

– Хм... Не вполне. Но, всё же подозреваю. – Кивнул гость, нервно поправляя очки.

– Вы не вполне уверены, что подозрение падает? – Захватил инициативу Д, вспоминая «Процесс» Кафки.

– Ну, почему же... Я уверен. Но не в том, что подозрение падает именно на меня.

– На вас? В чём же?

– Э-э-э... – замялся гость, – позвольте второй вопрос?

– Да.

– Приходилось ли вам в детстве вступать в интимные отношения с государством?

– Я и сейчас в них состою. Хотя отношения эти несимметричны и лишены должной взаимности.

Скукуроков понимающе кивнул.

– Да-да... – почесал он лысеющую макушку, – всё это, конечно, крайне интересно, но мне нет до этого никакого дела. Я ведь вас хотел до Университета подбросить.

– Подбросить? Тут же рядом.

– Нам сейчас в другое здание. ...Кстати, у нас тут сейчас предвыборные мероприятия. Митинги, выступления. Хотите посмотреть?

– Вы уверены, что и это тоже кстати?

– Не то, чтобы... – на лице визитёра отразилось сомнение, – но всё-таки.

– Поехали, – обречённо махнул рукой Д, – только всё же, давайте сначала в какой-нибудь буфетик заглянем. Просто, из любопытства.

– Это можно. – С напряжённо-сосредоточенным видом ответил Скукуроков.

Нахлебник Бнуква уже поджидал их в машине. В ресторанчике через пару кварталов, он заказал по своей корочке кучу бесплатной еды на всех. Еда оказалась вполне приличной, и оттого, пружина тревоги и настороженности в душе Д немного ослабла. Запивая блюдо под названием «кнели-сунели» минеральной водой «Старый кювет», новые знакомые привыкали друг к другу. Флёр беззаботного иногороднего морока

помогал Д хотя бы временно выбросить из головы повседневные заботы и, особенно, мысли о работе.

Тем временем, в зале прибавилось света, по соседству послышались оживлённые голоса. Какие-то молодцы, молча и деловито, подхватили за углы незаметный щит из крепкого пластика, на котором, как оказалось, стоял стол, за которым расположились гости и, с героической целеустремленностью на лицах, отволокли его в дальний угол. А в центре зала нарастало оживление. Столы с половым скрежетом выстроили буквой «П» и устали винами и закуски. А вокруг, рассаживаясь, зажужжал, засуетился народ.

– Сегодня, – с юбилейной радостью в голосе начала нарядно одета средних лет дама, – мы отмечаем присуждение нашему дорогому художнику своего дела – Трофиму Фомичу Угондошину – высокого звания народного палача!

Стол зааплодировал. Виновник торжества – здоровенный мордастый детина лет пятидесяти с хаотическими вихрами, пенящимися вокруг театральной, будто бархоткой отполированной лысины, что-то бормоча и держа в кулаке бокал с вином, поднялся с места.

– Ну, мы тут, конечно... сами понимаете... – невнятно забормотал он суетливым баском, – работа у нас... в общем, понимать надо...

– Дорогой Трофим Фомич, – заговорил кто-то из гостей, – расскажите какой-нибудь интересный случай из вашей практики.

– Случаев-то, конечно, много было, чего уж там... – глухо отозвался виновник торжества, – Вот, работали мы как-то на электрическом стуле. Ну, стулья у нас стандартные: всё как положено. И дырка в сиденье, и проводка, и всё такое. Ну, понятно, да? Ну, а тут не дали сразу нужное напряжение: я виноват, что ли, а? Моё-то дело – только рычаг повернуть, и все дела. Так вот, пока проводку чинили, клиент жалобу написал, подлюга. Где справедливость-то? Книжка-то жалобная при стуле прямо за спинкой, на самом виду торчит. Ну, вообще, удивительно. Каждая собак... то есть вот, последнее время, каждый клиент норовит, понимаешь, какую-нибудь кляuzu настрочить. Вот, неймётся им. ...Но вот, у нас теперь курсы повышения квалификации будут. Для палачей. С молодёжью работать будем. А то, понимаешь, никто ничего не умеет... Ни техники безопасности не знают, ни матчасти, ни, как на допросе работать, и на казни тоже. Гильотину, и ту заточить не могут. Не то, что в наше время: гильотину за сорок пять секунд в полную готовность приводили. Понятно, да? – Подмигнул палач кому-то за столом.

– Позвольте сказать, – смиренно, влюблённо-взволнованным голосом заговорила другая дама, – Трофим Фомич... Каждое Ваше действие – это сгусток духовной энергии, окрашенный индивидуальным художественным вдохновением! И всё это Ваше, неповторимое, угондошинское! ... Мы, представители общественного движения за отмену помилования подали в Исполнительный комитет по исполнению судебных решений заявку по выдвиганию Вас на соискание премии «Заслуженный санитар общества»!

Сто ответил восторженными возгласами, аплодисментами, и звоном бокалов.

– Дорогой Трофим Фомич! – хорошо поставленным застольным голосом начал какой-то дядька с глазами, светящимися историческим оптимизмом, – позвольте исполнить поручение Исполнительного комитета по исполнению наказаний в исполнительных учреждениях, и вручить Вам медаль и свидетельство о присвоении Вам почётного звания Народного палача!

Стол взорвался жидкими, долго не смолкающими аплодисментами. Но дальше случилось непредвиденное. Пока поздравитель нежно целовался с палачом, между

тарелок и бокалов быстро и деловитее прошмыгнул небольшой зверёк. Добравшись до раскрытой коробочки с медалью, он схватил её в зубы и шмыгнул под стол.

– Во, видели! – Воскликнул Бнуква, – это знаете кто? Это енот-потаскун! – объяснил он Д.

– Кто-кто? – Изумился тот.

– Ну, есть у нас зверь такой. Может дрессированный, а может от природы такой. Всё отовсюду тащит. Ножницы, там, ленточку разрезать, медали, ордена, ключи он города, ну и всё такое.

– А-а-а... – хотел было что-то спросить Д, но подавленно замолк.

– Ну, мы примерно знаем, кто его курирует-модерирует. – Поправляя очки, утешил Скукоруков.

Переполох за праздничным столом нарастал. Кто-то полез ловить злокозненного енота под стол, и там заплутал в стульях. Полетели на пол тарелки и рюмки. Под их мелодичный звон и истеричные женские вопли началась драка. На чьей-то голове выросла горка салата. Палач в тоске припал к бутылке с надписью на этикетке «Джабингранат Кагор», и пил не отрываясь.

Глянув случайно вниз, Д заметил на полу у себя под ногами похищенную енотом-хулиганом медаль. Осторожно подняв золотой кружок, Д рассмотрел на лицевой стороне изображение спиленного пенька с картинно воткнутым в него топором. Сверху красовалась крупная надпись: «за всё!». На обороте значилась другая сентенция: «смерть всегда имеет шанс!». И ниже: «залуженному палачу за выдающиеся заслуги в деле...» Дальше Д читать не стал.

– Может, поедем? – Жалобно взмолился он, незаметно кладя медаль на край стола.

– Угу, – с готовностью кивнул Бнуква, аккуратно убирая во внутренний карман недоеденные пирожки.

Прошмыгнув сквозь шумный кавардак по соседству, они выскользнули из ресторана.

После еды, всё окружающее показалось Д уже не таким тоскливо-непонятным и нелепым. На суровой поверхности действительности робко заиграли блёстки, если не радости, то дальних к ней подступов.

Вновь замелькали перед глазами незнакомы улицы, странные здания, забавные памятники.

– Во! Митинг идёт предвыборный, – объявил Бнуква, показывая на довольно большое скопление людей, – посмотрим?

Д пожал плечами, что было истолковано, как положительный ответ.

– Насколько я понял устройство местного физического мира, ближайшая парковка должна располагаться в городском парке. – Пошутил он.

– Не, сейчас поближе найдём. – Совершенно серьёзно ответил Бнуква.

Не успели приятели выйти из машины, как их подхватил, закружил и потащил за собой пёстрый людской водоворот. В руках у них тут же оказались крашенные бумажки с изображениями каких-то людей и агитками. Весь увешанный чёрт знает, чем человек-киоск даже всучил им какие-то брошюры, которые через несколько шагов полетели в ближайшую урну.

На средней величины трибуну, меж тем, поднялся странный господин лет сорока в белоснежной римской тоге, кирзовых сапогах и тирольской шапочке с пёрышком.

– О, Демопед выступает! – указал на его приземистую фигуру Скукоруков.

– Кто-кто? – Переспросил Д.

– Демопед – лидер партии филофобов, – пояснил Бнуква, – ушлый фрукт, но народ к нему тянется.

– Сличая различные случайности, – громко и грозно начал оратор, – мы должны твёрдо уяснить, что мы должны стремиться к тому, чтобы твёрдо знать: никому не дано свернуть нам... то есть, нас с избранного за нас пути! При этом мы провозглашаем истину громко, – это слово оратор произнёс почти шёпотом, – не боясь никаких, даже самых положительных, на первый взгляд, последствий. А пока лгуны и обманщики обманывают сами себя, тёмная воинственность сгущается в сумеречных закоулках коллективного подсознания и, властно вырываясь наружу, пысает кипятком в виде революций, восстаний, законных переворотов, и других прогрессивных процессов. Но мы здесь не стоим в стороне от столбовой дороги развития человечества, и мы повесим на этих столбах наших политических противников.

Д представил дорожные столбы, на которых можно было повесить разве что лягушку, и ему стало смешно.

– Возродим нашу славную былую агрессию! – провозгласил Демопед, – выше знамя, и шире шаг по узким просторам! Мы обещаем: каждому лавочнику – по скамье подсудимых! Каждой администрации – по голове! Места в лечебно-исправительных учреждениях станут бесплатными! Учебники на случай, если... раздаём уже сейчас!

В последнее время в наших рядах наметились некоторые серьёзности. Но только последний лжец и обменщик станет утверждать, что мы распустим наши охранно-штурмовые белосотенные отряды. Обманщик обманет сам себя, ибо мы за мирное существование, но Карфаген должен быть разрушен! Что позволено Юпитеру, то не позволено Сатурну! Нет таких рубежей, которые остановили бы наших пограничников!

Повторю ещё раз! Наши креды таковы: бдительность, мстительность и просветительность! Современное знание об информации должно дойти до последних закоулков, и самых глубоких впадин. Знание должно быть обширным, как инфаркт, и доступным, как проститутка!

Даже издали было видно, как бесцветные глазки оратора, блуждая и вращаясь, сиротскими пуговками поблёскивают в свете фотовспышек.

– Теперь, – продолжал он, немного сбавив пафос, – я передаю микрофон не кому попало, а самому архиепископу Макакиусу, переметну... то есть, примкнувшему к нам на время нынешней избирательной кампании. Избранных мало, и в ходе избирательной кампании, избранная компания избирается весьма избирательно.

На трибуне появился странного вида священнослужитель, одеянием напоминающий халдейского жреца, но с изображением распятого на кресте Будды на солидном брюхе.

– Вижу я, – начал странный поп, озабоченно поднимая голову к небу, – что постепенно пребывает с вами благодать господня. А вместе с ней, прибыл и я – скромный священномонетчик, то есть, фальшивослужитель..., то есть священнослужитель объединённой «Церкви без предела». Точнее, без границ. Как сказал святой Франциск Акцизский: «увидя Бога, не верь глазам своим!». Воистину так, братья мои в сансаре! Не верьте никому! Не верьте, говорящим, куда. Не верьте, говорящим, как. Не верьте, говорящим зачем. Верьте одному лишь слову Божьему! Ибо, все мы грешны, все виноваты, все замазаны! И несёт почта квартирные счета вместо посланий апостоловых!

Но не зря сказано в Писании: сеющий в политическом поле, да пожнёт бурю! И блаженны нищие, ибо сраму не имут.

Речь священнослужителя продолжалась в том же духе, становясь всё более эмоциональной.

– ...Ибо, грядёт пришествие антихриста! – истерично выкрикнул он, показывая пальцами рожки, высунув язык и скорчив такую рожу, что первые ряды в испуге шарахнулись, – вознесём же молитвы наши к Господу, и взглянем трезво на политическую ситуацию. С нами Бог, но дело – дрянь! Если и выкрутимся, то только с филофобами! Демопед – наш кармчий! А, пропадём – так с верой! Но, как говорил святой Марк Аврелий Августин: «Бога бояться – в лес не ходить».

– Вы уже были в новом соборе Спаса Автократора? – Вполголоса спросил Скукуроков Бнукву.

– Бог миловал. – Не вдаваясь в подробности, ответил тот.

– Начнём же с первого шага тяжкий и скорбный восьмеричный путь к избирательным урнам, – продолжал, тем временем оратор, – и смиренно отнесём молитвы наши Господу, а голоса – филофобам! Джунгур, джангал, алга! Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет Аллах доволен ими обоими! Не допустим распространения рационалистической заразы!

С этим духоподъёмным напутствием священнослужитель очистил трибуну, и, погрузившись в роскошный чёрный лимузин, отбыл.

А на трибуне появился следующий оратор – ушлого вида господин с мутными, суетливыми, близко посаженными, воровскими глазками, и в неприметной, но стильной курточке.

– Ну, чего скопились? – криво улыбаясь, начал он, – за политику, что ли побазарим?

– Это что за... – Спросил Д.

– Это Хоценклоц, – представил оратора Бнуква, – миллиардер. Одни говорят, что его настоящая фамилия – Вохрамович, другие говорят, что Яхт. Нефть, металл, финансы, ТВ...

– Оружие, проституция, наркотики... – Иронически продолжил Д.

– Ну, не без этого. – Совершенно серьёзно согласился нахлебник.

– Хоценклоц – он Хоценклоц и есть, – вставил Скукуроков, – он теперь в партии КВД состоит.

– КВД? Это как? – Продолжал интересоваться Д.

– КВД – значит, «куда ветер дует». Гибкая такая партия. Не догматики. – Пояснил Бнуква, – а газета у них «Флюгер» называется.

– Что, братва, не по детски штырит от житухи полосатой? – Вопросал, меж тем, оратор публику, – но вы не очкуйте, у нас всё схвачено. Ведь, где возрождение Отечества, там и бабло, это ж понимать надо. Если чего – точно будет, не менжуйтесь. Хотя бы всем по чуть-чуть, и то кое-что, верно? А если дело какое замутить – крышу дадим натурально, без балды. Но бесплатно никто платить не будет.

– Что делать будете, если выберут? – Крикнул кто-то из толпы.

– Если без понтов, то мы во внешнюю политику не лезем. Чего мы там не видели? Геморроя выше крыши, а навару – с гулькин... этот...! Короче, так, братва: тут у нас за углом сыр бесплатный раздают, так, что вы того... вербальником не щёлкайте.

– Пойти, что ли посмотреть? – сам собой стал рассуждать Бнуква, – а то, что-то скучновато становится.

– Пошли. Любопытно, – кивнул Д, – а кто ещё выступать будет?

– От партии хвостистов – Денис Доносов, из партии нацбюров – это национал-бюрократы – Игуадонова Игуана Гандонова. Она ещё у Пол Пота нашим полпредом была. Теперь – спикер общества неколеноподзадных губернаторов.

За углом действительно что-то происходило. Ещё издали виднелось странное, размером с небольшой дом сооружение, оказавшееся, при ближайшем рассмотрении,

огромной мышеловкой с решётчатыми стенами. Внутри стояла небольшая очередь. Запах созвездия сыров кружил голову, как на какой-нибудь улочке в старом Париже.

– Бесплатно сыр выдаётся только крысам. – С обворожительной улыбкой сообщила продавщица, возвращая на хлебнику его волшебный аусвайс.

– Жаль. – Озабоченно почесал макушку тот.

– Пройдите через квартал налево, – доверительным тоном подсказала продавщица, – там в жилконторе вам удостоверения крыс оформят. Быстро и почти бесплатно. А я вам пока по четыреста грамм «гадамера» отложу. Он у нас почти кончается. Бросив взгляд на яркую обёртку «гадамера» с портретом одноименного философа, приятели решили прогуляться по указанному маршруту.

В плохо замаскированной жилконторе, почти весь вестибюль занимала гигантская модель флюгера, со стен взывали агитплакаты КВД, а по соседству с интригующей вывеской «Ремонт электрических лампочек», действительно оформляли удостоверения крыс. Занимался этим ответственным делом шустрый старичок: как вытекало из бейджика – Мартын Карлович Сухопопов.

– Фото имеется? – не поднимая головы спросил он, тщательно внося в удостоверение паспортные данные.

– Нет. – Признался Скукоруков.

– Ну, на нет, и суда нет! – развёл руками Мартын Карлович, – ни народного, ни Конституционного! Но это нас не остановит. Мораль тверда, и танки наши строги! – не то продекламировал, не то, пропел он, и деловито поправив нарукавник, широким жестом сеятеля высыпал на стол кучку фотографий крысиных физиономий, – так-так, – продолжал он, внимательным взглядом из-под старых, перемотанных изоляцией очков, разглядывая лица клиентов и тщательно сравнивая их с крысиными образцами. Затем, делопроизводитель ловко наклеил крысиные портреты на свежие удостоверения и, как положено, тиснул каждую печатью. И бонус! – сверкнув очками, объявил Сухопопов.

С торжествующим видом он достал из кармана средних размеров лампочку.

– Во! Видно, да? – он поднял лампочку на свет, привлекая внимание к оторванной и дрожащей от ужаса проволочной спиральке, – а теперь... Эйн, цвейн... – отработанный движением, он отвинтил от лампочки цоколь, сунул внутрь два пальца и, после неуловимой манипуляции, вновь завинтил цоколь, и ткнул им в панель с патроном на столе.

Лампочка зажглась. Со странной inferнальной улыбкой Сухопопов протянул лампочку Бнукве. Тот сунул её в нагрудный карман.

Возвращаясь к мышеловке, приятели ещё издали расслышали звуки скандала.

– Вы развращаете рабочего человека! – гудел иерихонской трубой какой-то дородный дядька, фигурой, и особенно лицом, напоминающий недоделанного языческого идола, – да, чтобы наш человек поддался на эти дешёвые подачки? Да, ни за что! Наши люди – не какие-то мелкие лавочники, понимаешь! Я в последнем номере «Балласта» так прямо и говорю...

– Вот, интересно, – подумал Д, – почему лавочники всегда мелкие? Крупных не бывает?

– А! Вот, и Никита Стаеросов нарисовался! – прокомментировал Бнуква, – это у нас партия хвостистов, – пояснил он Д.

– А что они хотят? – спросил Д.

– Так... шумят. Всё, вроде, как за людей, за людей. Хотя, после всей нашей славной истории, молчали бы в тряпочку, пока ногами бить не начали. Но у нас ведь вчерашних людей много. А позавчерашних – ещё больше. ...А чего хотят? Да, чего и все. Власти, ясное дело.

Скандал у мышеловки, меж тем, разгорался. Стаеросовские молодцы в спортивных костюмах затеяли драку с угрюмыми охранниками бесплатного сыра. Сам Стаеросов решительным шагом проник внутрь. Рядом с ним, как приклеенный, вертелся корреспондент с роскошной студийной камерой.

– У меня крысиного паспорта нет. – Предупредил народный трибун.

– А вам он и не нужен, – с ослепительной голливудской улыбкой, ответила продавщица, – и так всё видно! Кто ж вас не знает?

Но стать счастливым обладателем четырёхсот граммов «гадамера» лидеру хвостистов не довелось. Прямо из-под его рукава неожиданно высунулась глумливая ослиная морда, и, придвинувшись вплотную к микрофону камеры, огласила пространство безобразным цинично-кощунственным рёвом.

– Провокация! – Вполголоса вскричал Стаеросов, подаваясь назад и нелепо махая руками.

Осёл бодро вышмыгнул из мышеловки и, перескочив через дерущихся на земле охранников, был таков. Трибун сделал было несколько шагов к выходу, но, внезапно, крышка мышеловки шумно захлопнулась, наподдав Стаеровосву такого сурового и горького страусинового пендаля, что тот, на глазах изумлённой публики, не вышел, а кубарем выкатился из мышеловки. И всё это было заснято оставшимся стоять столбняком посреди мышеловки коореспондентом.

– Как там у Марк Твена? «Опустим занавес жалости над этой печальной сценой»? – Спросил сам себя Д.

– Что-то вроде, – отозвался Бнуква, – а осёл-то между прочим, из той же компании, что и енот.

– Осёл Кошунского. – Уточнил Скукоруков.

– Что-что? – Не понял Д.

– Ну, вот, есть лошадь Пржевальского, а есть осёл Кошунского, – стал разъяснять нахлебник, – Кошунский Каин Леонардович у нас занимается борьбой с осквернением памятников, и всё такое прочее. Но поскольку до памятников никому дела нет, он сам эти все осквернения и организует. Возможности-то у него – ого-го!

Леонард Иудович Кошунский, начальник «Отдела по борьбе с осквернением и охраной моральных святынь», был похож на Кашея Бессмертного в возрасте примерно лет пятидесяти, то есть был хиловат и сморщен, но при этом деятелен, энергичен и пунктуален, как смерть. Когда-то Л.И. Кошунского назначили главой большого штата сотрудников, в задачи которого входило оберегать памятники, бюсты, монументы, могилы и прочие святыне места от осквернения. Департамент был оборудован прекрасно и полномочия у начальника были солидные. Но вся беда в том, что памятники катастрофически никто не осквернял. С тяжёлым сердцем ездил Леонард Иудович на открытие нового памятника или мемориала, все труднее было сочинять невероятные истории в отчетах о проделанной работе. Литературно-канцелярская фантазия шефа и сотрудников иссякла, а начальство все меньше и меньше верило липовым отчётам. И призрак черной зловещей трубы, в которую в один прекрасный день мог вылететь весь отдел вместе с секретарями, бухгалтерами, курьерами, подручными, мебелью и шефом, постоянно возникал перед мысленным взором Леонарда Иудовича. Иезуитская дисциплинированность жителей города доходила даже до того, что они без соответствующих санкций и указаний приносили и оставляли у памятников цветы, что, собственно тоже входило в план работы отдела.

Но к счастью выход нашёлся. И нашёл его никто иной, как престарелый, но патологический деятельный отец Кошунского, известный под прозвищем «Старик

Похабыч». Всю сознательную жизнь занимавшийся изощренным хулиганством, он дал сыну ряд бесценных советов. На базе живого уголка при своём отделе Кошунский развивал бурную дрессировочную деятельность. И высоко одарённые голуби и вороны начали совершать целенаправленные рейды на объекты и безжалостно их обгаживать.

Вороны, будучи более солидными по сравнению с голубями, получали соответственно более ответственные задания. Так, например, не успевал взволнованный оратор кончить свою речь на открытии нового памятника, не успевало пасть на землю покрывало, явив миру чей-то вдохновенный образ, как на его скробную голову садилась хамыжная ворона и, оглушительно каркая, начинала цинично долбить кость. И всем присутствующем становилось до того гадко, что даже памятник, казалось, менялось в лице.

Вот когда началась у Кошунского настоящая работа! Леонард Иудович увлёкся со всей страстностью энтузиаста и именно в ней нашёл свое истинное призвание. В своей педагогической деятельности в животном мире он не ограничился голубями и воронами. Появился енот-потаскун. Этот гениальный зверь таскал все и у всех: конспект у лектора – прямо с трибуны, очки у ответственных граждан, ножницы для перерезая символических ленточек и сами эти ленточки, ордена с подушечек в момент вручения последних и многое другое. Из всего этого натасканного енотом барахла Кошунский даже начал собирать тайный домашний музейчик.

Но главной гордостью начальника отдела был осел. Поистине, такого ещё не было в природе! По наущению хозяина он незаметно пробирался на торжественные митинги, собрания, заседания и лекции, хулиганским ревом, срывая всю торжественность. Публичное слушание гимна, минута молчания, встречи дипломатических гостей – ничего святого не было для осла. Став бичем города, осел поднимал на ноги всю полицию, и даже саму Конную полицию нравов. Было задержано и брошено за решетку огромное количество ослов, правда за неимением улик их быстро отпускали. Фотопортреты осла в фас и в профиль были обильно расклеены по городу. Но тщетно! Осёл был неуловим, ибо множество потайных ходов в разных точках города, ведущие в тайные помещения отдела, спасали осла, всякий раз от погони. Дела отдела круто пошли вверх. Кошунский публиковал в газетах возмущенные статьи, начинающиеся, как правило, словами «до коле...», угрожал таинственным осквернителям товарищеским самосудом и духовной расправой, поливал крокодиловы слёзы на собраниях по поводу попираемой морали, а сам в это время расширял подпольный цех осквернения.

– Ну, это ещё не доказано. – Попытался вставить Скукуроков.

– Да ладно, тебе. Все и так знают, – отмахнулся Бнуква, – а дрессированные вороны, которые памятники по графику обгаживают, не его скажете? Да, мне точно рассказывали, что у него в кабинете карта висит, где все боевые вылеты помечены. Не на виду, конечно. И енот, и осёл лично им пакостить обучены. А может, и ещё кто.

– Да, не соскучишься в Паханесбурге. – Заключил Д.

– Это точно! – расцвёл в улыбке нахлебник, – жаль вот, «гадамера» не досталось. Ну, ничего, в другой раз. Зато, корочки приобрели: где-нибудь да сгодятся. Пошли к машине. Поедем на концерт.

Глава 3

Помните ли вы картину Решетникова «Опять двойка»? Наверняка. А теперь представьте её главного героя, доживавшего лет до 50-ти, но не утратившего ни совей разгильдяйской внешности, ни своего девственного легкомыслия. Именно так и выглядел известнейший конферасье Шмоня Доупадов, которому и предстояло сегодня вести концерт, посвященный юбилею священного союза писателей. Купаясь в лучах славы, Шмоня не маялся гамлетовскими страданиями. Он не рыдал по ночам в гримерной, проклиная жестокую актерскую судьбу. Его глаза неизменно излучали здоровый хамский оптимизм и азарт нашкодившего пионера.

Могучий пласт народно-эпической прозы представляли Пётр Термитин и Парамон Бык. Первый всю жизнь писал уходящую томами в дурную бесконечность эпопею «К истокам глубин», а перу второго принадлежал подсеčno-трехпольный роман «Конь» в четырех частях с прологом и эпилогом, а также народно-аграрно-историческая поэма в прозе «По великой нужде».

Поэт романтический кабаков и салонов Ноктюрн Сивобылов, губастый фронт с буйной шевелюрой и неизменным декадентским бантом, туманным взором обозревал пространство. В число его последних работ входили сборники «Слёзы и сопли» и «Хризантема и лапоть». Неподалеку держался и другой поэт Яков Плодонос. Подвизаясь в альманахе «Поэтический барабан», он опубликовал два связанных общей темой сборника «Широким шагом» и «По узким просторам».

Присутствовали также и другие литераторы, критик Фанеберий Огульнов.

Итак, занавес открылся, и на сцену вышел Шмоня Доупадов:

– Леди и гамильтоны, – радостно выкрикнул он, – что в переводе означает дорогие друзья и собравшиеся гости. Вот, говорят, что весь секрет хорошего пения заключается... в чем бы вы думали? В количестве проглоченных перед этим яиц. Скажу я вам как родным, все это муть розовая. Ничего в этом нет подобного. Я тут недавно сам видел в зоопарке одну тропическую гадюку, тоже, знаете ли, яйца глотала, да ещё как! Так что вы думаете, она после этого пела? Шиш!..

– А сейчас, – интригуяюще начал Доупадов, – сцена Главпургиевой ночи. Исполняет ансамбль песни и пляски при институте судебной психиатрии им. Извращенского. Художественный руководитель – Христофор Свистопсихов. Отрывай родимый! – за расступившимся занавесом показалась большая клетка. Дверь её стала осторожно приоткрываться и беспокойные обитатели клетки высыпали на сцену, выделявая диковинные па и коленца. Невообразимый танец кончился салютом, после чего угрюмые ассистенты в белых халатах натянули по всей длине сцены толстую веревку и медленно затолкали исполнителей обратно в клетку.

– Вот сейчас свое искусство покажут профессора черной магии и оккультных наук Голгофман и Бессинг. Начнём с последнего.

На сцену выскочил Бессинг. Он сразу же кинулся в зрительный зал и неистово заметался между рядов, что-то невнятно выкрикивая. Служащий финансового отдела старичок по фамилии Звероящер имел неосторожность высказывать какое-то скептическое замечание. Бессинг, хотя и прыгал далеко, все же услышал, и подскочив к Звероящеру, схватив его за воротник, цепкой как у младенца рукой и поволок на сцену. Там Бессинг, схватив его за задницу и воротник, пристроил как швабру между спинками двух стульев. Взобравшись ногами на окостеневшего бухгалтера, великий мистик стал неспеша прохаживаться туда и сюда, в таинственных и наукообразных выражениях, объясняя суть

гипнотического меода. Затем он стал приплясывать фокстрот на животе несчастного бухгалтера, рассказывая при этом свою волнующую биографию.

Между тем, злосчастный бухгалтер вдруг открыл глаза и замогильным голосом пропел: «Слезай, сволочь!».

– Цыц! – внушительно ответствовал гипнотизер. Вдоволь наиздевавшись, Бессинг привёл, наконец, свою жертву в вертикальное положение. «Ни малейших ощущений!» – провозгласил он, звонко постучав пальцами по бухгалтерскому лбу.

– Ну что, не внушает гипнотизер доверия? – подмигнул публике Шмоня. – Ну, ничего, пока я оставляю вас с человеком, с которым вы не соскучитесь. Чревовещатель, – зловеще добавил он и крадучись покинул сцену. Его место занял чревовещатель Голгофман. Он мечтательно уставился в потолок и предоставил слово внутреннему голосу. С inferнальным достоинством, хотя и несколько нехотя, внутренней голос отвечал на вопросы зрителей. Вскоре ему, однако, надоело возвещать о скором пришествии инопланетян и о целебных свойствах верблюжьей мочи, он вдруг стал говорить какие-то страшные, крамольные вещи в торжественно-укоризненных интонациях он поведал о взятках мэра, с поразительной точностью описал внешность и анкетные данные всех четырех любовниц премьер-министра, назвал все черные цены на государственные посты и освобождение из тюрьмы осужденных бандитов. Все это внутренний голос перестал проклятиями в адрес правительства, а также мелкого и среднего начальства.

– Граждане, не слушайте его, не слушайте! – залепетал побледневший от страха Голгофман.

– Да брось ты, – укоризненно проговорил внутренний голос. – Ты же мне сам это всё говорил!

Схватившись за живот незадачливый чревовещатель побежал со сцены под страшные проклятия внутреннего голоса.

Шмоня Доупатов, как ни в чем не бывало, вышел на сцену и объявил выступление конной группы волков, под художественным руководством Фридриха Завываева. Сцена была оцеплена красными флажками, и под заливчатый аккомпанемент аккуратные эстрадные волки, гарцуя на горячих скакунах, показали чудеса джигитовки.

После них выступали исполнители философско-культурологических куплетов Проблематюк и Теологович. Когда-то они пытались заниматься серьёзной наукой, но и них ничего не вышло. Из института детальных исследований общих теорий (ИДИОТ) их выгнали, и свою несостоявшуюся коллективную диссертацию они изложили в виде эстрадных куплетов. Оказалось, что таким образом философские идеи доходят до народа куда легче.

Выступление ученых балагуров приободрило публику.

– Сейчас у нас в гостях цирк. – объявил Шмоня. Не успел он это произнести, как на сцену выскочил клоун Могилкин.

– Свежий анекдот, свежий анекдот, – закричал клоун. – Вот стоит, значит, палач с топором, в колпаке, все как полагается. Рядом на плахе осужденный. А палач ему и говорит:

– Вам куском или нарезать? Ха-ха-ха. – и он захохотал пронзительным клоунским смехом. Публику бросило в дрожь.

– Эх! – тоскливо и страшно завопил Могилкин и пустил в зал здоровенный бумеранг. Серебристый пропеллер со свистом описал дугу и, едва не обезглавив двух-трёх зрителей, вернулся в руки клоуна. Произведённый эффект ему понравился и бумеранг был запущен снова. На четвертый раз кто-то не выдержал и поймал его налету.

– А чёрт с ним! – крикнул клоун, махнув рукой. В это время на сцене появился флегматичный слон. Тяжело вздохнув, он полез с помощью хобота по канату под потолок. В это время середина сцены заполнилась дрессированными муравьями.

Сам усатый худрук в обтягивающем фраке, расшитом помпезными галунами, поразительно напоминал большого и преуспевающего таракана. Он лихо щелкнул кнутом и, ведомый головным муравьем по прозвищу Голиаф, танцевальный коллектив двигался единой лентой и выстраивался в политические лозунги.

Публика была в восторге. Про слона, как в своё время про батарею Тушина, было забыто. Он продолжал болтаться под потолком. В критический момент Доупатов высунул за кулисы тревожное лицо и не эстрадным голосом сказал:

– Артур, уводи муравьёв! – Но тот ничего не слышал в свисте кнута и едва успел отскочить в сторону, когда на него, с неотвратимостью светлого будущего, полетел слон с обрывком каната в хоботе. На сцене смешалось, как некогда все в доме Облонских. Рывками закрылся занавес. А когда он открылся снова, взорам публики предстал слон-бедолага, сидящий в человеческой позе, грустно уставившись в зал. Вокруг притулились остатки муравьёв. Артур катался по сцене, рвал на себе волосы и стонал: «Голиаф, Голиаф».

Из-под слона вылезла раздражённая черепаха и побрела прочь с таким видом, какой бывает у людей в момент произнесения страшнейших ругательств. На сцене вновь показался неунывающий конферансье.

– Ну что ж, на то он и цирк, чтоб всем было весело.

В этот момент тот, кто поймал бумеранг полетел прерванным курсом. Поскольку его на сцене никто не ждал и не ловил, то он беспрепятственно угодил как раз по макушке оптимисту Доупадову и с оглушительно-мелодическим звоном отскочил на пол. На этот раз природное чувство юмора Доупадова изменило. Трагически поджав губы, он затрусил со сцены под оглушительные раскаты могилкинского хохота. Тот, тыча пальцем вслед уходящему конферансье, последовал за ним семимильными клоунскими шагами. Его леденящий душу хохот ещё долго доносился из-за кулис. Занавес закрыли. Навсегда.